

Елена
Хасецкая

СИНИЕ СТРЕКОЗЫ
БАВИЛОНА

ТОМ
I

Елена Владимировна Хаецкая
Человек по имени Беда
Серия «Синие стрекозы Вавилона», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127472

Аннотация

Смрадный, уставший Вавилон Елены Хаецкой безумно напоминает современный мегаполис. И в закоулках этого города затеряны судьбы многих людей. Один из жителей Великого Города – Беда, раб и программист. Верховный Жрец Оракула покупает его для своего «учреждения». Именно работая там, Бэде предстоит познакомиться с младшей жрицей Пиф, увидеть душу своего бывшего хозяина и стать свидетелем безумия восставших бедняков Вавилона.

Елена Хаецкая

Человек по имени Беда

*Ветер нам утешенье принес,
И в лазури почуяли мы
Ассирийские крылья стрекоз...*

О.Мандельштам, цитированный по памяти

Пиф пила кофе у себя на кухне – босая, в одной футболке на голое тело. Ходики оглушительно тикали и время от времени испускали утробное ворчание. Сквозь пыльные, два года не мытые окна, сочился солнечный свет.

Стояло лето, такое жаркое в городе, что каждый вдох грозил удушить. Поэтому Пиф вздыхала осторожно, в несколько приемов.

Ей предстояло дежурство, и она заранее готовилась к томительному отсиживанию суток в Оракуле. Но с этим ничего нельзя поделать: регулярные суточные дежурства особо оговорены в контракте, который она подмахнула полтора года назад.

Встала, поставила новую порцию кофе. Залезла с ногами на подоконник, высунулась в окно, насвистывая:

Assyrische Soldaten
Tag und Nacht marschieren,
Assyrische Soldaten
Nie kapitulieren...

Ашшурские солдаты
День и ночь в пути,
Ашшурского солдата
Никто не победит...

Посидев с пять минут, Пиф услышала, как за спиной шипит, выкипая, кофе. Пиф сползла с подоконника, выключила газ. Наполнила, не споласкивая, чашку второй порцией. Когда кофе сбежит, остатки горчее, чем обычно. Весь аромат на плите, среди засохших макарон и старой суповой лужи. Лужа давняя, пошла трещинами, как степь в пору засухи.

Но вот и вторая чашка допита. Теперь – одеться в белое, до земли, платье, убрать волосы под покрывало, синее с белой полосой. Очки с толстыми стеклами придают этому архаическому одеянию совершенно идиотский вид. Но без очков Пиф почти ничего не видела.

Прилаживая на лбу покрывало, вдруг, как в первый раз, разглядела себя в зеркале. Пифия. Младшая жрица. Сотрудник Оракула.

Оракул – известное в городе учреждение. Один банк данных дорогого стоит, а какими делами там ворочают – того ни в одном банке данных не сыщешь.

Белая полоса на покрывале означает, что жрица дала обет безбрачия. За безбрачие в Оракуле идет ощутимая прибавка к жалованью. Фирме это обходится дешевле, чем оплачивать роды и пособия по уходу за детьми. Кроме того, безбрачие существенно влияет на качество транса.

Пиф сняла очки, чтобы не видеть себя. Жизнь показалась ей вдруг исхоженной вдоль и поперек.

– В конце концов, – сказала она непонятно кому, – я слишком долго приучала себя не наступать дважды на одни и те же грабли. И никто же не предупреждал, что количество грабель строго ограничено. А вот теперь, похоже, они кончились...

Верховный Жрец Оракула ехал на работу в самом мрачном расположении духа. Вчера он разбил машину. Совершенно бездарно разбил. Впилился в задницу грошовой «Нупте», которая вздумала вдруг притормозить, пропуская пешехода. Ну, кто в наше время пропускает пешеходов?

Конечно, Верховный Жрец оказался еще и виноват и с него слупили за грошовую нуптину задницу, которой самое место на помойке. В довершение всего, куда шли нудные разбирательства, кто кому должен, откуда-то из-под раскаленного асфальта выскочил замызганный подросток с маленьким пластмассовым ведерком, где плескала грязная мыльная пена, и чрезвычайно ловко размазал пыль по стеклам бессильного серебряного «Сарданапала». После чего повис на локте у владельца машины и начал скучно требовать денег. Верховный Жрец с трудом отодрал от себя цепкие пальцы, воняющие дешевым мылом, сунул денег. Подросток скрылся.

Теперь «Сарданапал» на платной стоянке, ждет ремонта, а Верховный Жрец едет на работу в метро. Такси он не доверяет, частным шоферам – тем более.

Добираться на метро даже быстрее, чем на машине. По крайней мере, в пробку не попадешь. Но воняет здесь чудовищно. Из-под каждой мышки несет своим неповторимым зловонием. Казалось, запахи незримо сражаются в воздухе, отвоевывая себе жизненное пространство. Верховному Жрецу, стиснутому в духоте со всех сторон, потному, вдруг резко ударил в нос его собственный запах, и Верховный Жрец ощутил острый стыд.

Вышел на платформу станции «Площадь Наву», вздохнул с облегчением. Поезд ушел, открыв синий кафель стен. Темная голубизна – сродни стрекозиным крыльям, сродни изразцам Ассирии – плеснула в глаза.

Пропылила мимо стайка уличных гадалок, египтянок, – гомоня по-птичьи, цепляя прохожих парчовыми юбками; в смуглых губах мелькают белые зубы.

Верховный Жрец толкнул стеклянные двери станции, вышел на ступеньки, сразу окунувшись в жаркую духоту летнего утра. Вавилон подхватил его, властно потащил за собой – к пропыленной площади Наву, к ослепляющему свету, сквозь душный воздух, полный запах нагретого асфальта, людского пота, нафталина, тополиного пуха, подгоревшего мяса, которое жарится тут же, чуть не на ступеньках.

И никому сейчас в Вавилоне нет дела до того, что по разбитому асфальту площади Наву, по зловонным лужам и кучам мусора ступает сам Верховный Жрец Оракула. Человек, обладающий в этом городе огромной властью. Он знает здесь все и всех. Любое прошлое готово открыться ему, любое будущее. Непочтителен Вавилон, а уж площадь Наву – и подавно; нет здесь робости ни перед кем. Здесь нечего терять. Здесь все давно уже потеряно.

Вавилон – сам свое прошлое и будущее, он – всегда, во все времена. Сколько ни разгонный грандиозное торжище на площади Наву – полупомойку, полуярмарку, – все равно возродится, вернется на свое место и выплеснет на грязный асфальт вперемешку грошовый товар и дорогой, использованный и ненадеванный, сгоревшие лампочки и древние граммофоны, вареную из всякой дряни помаду, колбасные палки с белесым налетом плесени, треснувшие чашки, облезлые игрушки, носки домашней вязки, гвозди в стеклянных банках, постельное белье, куртки, платья, халаты, пальто – и новые, и с себя, и с покойных родственников...

Это по одну сторону.

А по другую – нищие.

Много их здесь, на площади Наву, больше, чем у храмов. И другие здесь нищие. Не благостны, не смиренны. Злобны, как псы, всё норвят цапнуть, обругать.

Тысячи жадных рук тянутся со всех сторон. Перед глазами трясут товар, прыгают скрюченные пальцы – у одного купи, другому просто так дай.

Человек идет по Вавилону, пробираясь между торговцами и нищими. Между соблазном и спасением, своим путем идет человек по Вавилону. И все равны на этом пути.

Верховного Жреца вытолкнуло в угол площади. Налетел на смертельно пьяную женщину. Копошилась под ногами на асфальте – крошечного росточка, с бессмысленным опухшим лицом, в обносках с мужского плеча. Брюки не сходятся на животе, расстегнуты; на брюках кровь. Больно женщине, мычит, корчится, хватается себя руками, пачкает их в крови. Другая стоит над ней, равнодушно выпрашивая что-то.

Верховного Жреца затошнило. А толпа уже понесла его дальше, мимо детских колготок, туфель со стоптанными каблуками, мимо битых будильников и новеньких гаечных ключей, пачкающих подстеленные газеты янтарным маслом...

...Старая-престарая бабка, закутанная, несмотря на жару, в траченный молью платок сидит на ящике. На груди кусок коробочного картона; под крупным «ПОМОГИТЕ, ЛЮДИ ДОБРЫЕ!» мелким почерком во всех подробностях описывается богатая злоключениями, нелегкая и долгая бабкина жизнь. Другая бабка, такая же убогая и древняя, с интересом читает, опираясь на клюку...

Сам на себя смотрит Вавилон, не нужно ему никаких зеркал. Сам себе он и пророк, и истина.

Что ты делаешь здесь, Верховный Жрец Оракула? Что ты делаешь здесь?..

Трущобы из трущоб – рабские кварталы Вавилона. Проходи, пожалуйста, господин, если не страшно рылом пропахать кучу отбросов, оскользнувшись по неловкости или с непривычки – по сгнившему мусору ходить особая сноровка нужна. По четвергам вывозят отсюда на кладбище умерших за целую неделю, не разбираясь между рабами и вольными бродягами, так что лучше приходите все-таки в пятницу. Но если уж приспичило нынче, то милости просим: чего изволите?

Рабские бараки обнесены толстой стальной проволокой, сквозь нее пропущен ток, да такой, что у стражника рыжие патлы дыбом стоят. Под проволокой собачий труп – полезла, дурища, ну и шарахнуло. Пусть теперь разлагается в назидание людям.

Морща лицо, кривя губы, входит Верховный Жрец в маленькую караульную. Двое солдат, сняв сапоги, сидят с ногами на лавке, увлеченно шлепая картами. Один, завидев посетителя, досадливо сплюнул, встал, ленивым шагом подошел – в разматывающихся портянках ступая по грязному полу – сунулся в «документ», хотя и так знал, кто перед ним стоит. Видал фото в газете. И перед выборами висело везде. Вот кто денег настриг с этих выборов, так это Оракул.

Повертел корки, с любопытством поглядел – каков был Верховный Жрец в восемнадцать лет, когда эти корки ему только-только выдали. Ничего был парнишечка. Даже и не верится. Интересно, какие думки варились в котелке под пушистыми светлыми волосами? И ведь выварились... Солдат даже взгрустнул: разная судьба у людей, кому какая, кто в Оракуле деньги делает, кто здесь, на вонючей лавке, похоже, так и подохнет...

Выходя на территорию квартала, Жрец услышал за своей спиной обрывок разговора:

– А что, Оракул тоже этот сброд покупает?

– Экономят, паскуды...

Хлопнула дверь за спиной, отсекая солдатские голоса.

Осторожно шел Жрец, приподнимая край облачения, чтобы не замараться. Иступленно мечтал о ванне, о благовониях, о тихих, прохладных залах Оракула. А какой грязью замаралась здесь душа – о том лучше не задумываться.

Но выхода другого нет. Машина разбита, денег на ремонт нужно немалое количество, а взять неоткуда. Только что сэкономить на программисте.

Программист Оракулу нужен хороший. И вольнонаемный. На этом настаивала Верховная Жрица. Верховный Жрец хорошо понимал ее правоту: рабы склонны к недобросовестному труду. Но у серебристого «Сарданапала» на платной стоянке было иное мнение.

Толкнулся в барак – выкрашенный зеленой краской строительный вагончик, на двери приколот листок бумаги из школьной тетрадки, химическим карандашом, с грамматической ошибкой, было выведено каракулями: «ПРОГРАМИСТЫ».

Смрад понесся из тесной комнатухи. Нары в два яруса, с верхних свешиваются грязные босые ступни – великие боги Орфея, какая вонь! Протянулась рука, поковыряла между пальцев ног, снова исчезла.

– Куда без провожатого-то, не подождамши! – распереживался кто-то за спиной у жреца.

Маленький лысенький человечек в синей расстегнутой тужурке, похожий на допотопного железнодорожника. Утирая пот с лысинки, он расстроено глядел на Жреца крошечными красными глазками.

– Разве так можно, господин, без провожатого – да прямо к этим соваться? Нана Заступница!.. Так не делается. Тут же кто содержится? Бандюга на бандюге. Деликатная публика с ними должна аккуратно... Тихо вы, звери! – визгливо прикрикнул он на рабов, которые зашевелились на нарах.

Сверху на Верховного Жреца выпала с кого-то вошь. Он вздрогнул, как от удара. Надсмотрщик осторожненько снял вошь с облачения, пробормотал «сичас мы ее» и исключительно ловко придавил.

– Извольте, – проговорил он, вытесняя Жреца плечом из вагончика. – Я их выгоню, мерзавцев, на белый свет. Там уж и посмотрите, какой на вас глядит, того и выберете.

Верховный Жрец с облегчением покинул вагончик. Приметил на рукаве еще одну вошь, брезгливо сморщился, стряхнул, не притрагиваясь руками.

Из вагончика доносилась матерная брань, топот, грохот. Потом дверь с лязгом распахнулась, и один за другим, шурясь на яркий солнечный свет, вывалились рабы. Их было шестеро. Последним надсмотрщик выпихнул здоровенного детину с мясницкими ручищами. Вышел сам, аккуратно притворил за спиной дверь, обтер лицо грязным носовым платком.

– Извольте.

Все шестеро вызывали у Жреца только одно желание – никогда их больше не видеть. Слабо верилось, что эти люди способны породить программные продукты.

Надсмотрщик, человек простой, принялся показывать товар лицом. Хвалил их зубы, размахивал флюорографиями, просил пощупать мышцы. Щупать Жрец решительно отказывался, вопросы задавал такие, что надсмотрщик вконец расстроился – не знает он таких названий, о чем речь идет, не понимает, а уж кормили мы их, господин, отборно.

Цену заломил немалую; глазками же суетился так, что Верховный Жрец не сомневался: добрую долю от вырученных средств намерен положить себе в карман. Что ж, сам Верховный Жрец, собственно, тоже за этим пришел в рабский квартал. Экономия на всем, выгода себе.

Выбирал долго, всем даже надоело. Остановился на самом дешевом. Двадцать шесть лет, университет закончил с тройками, морда кислая, двух зубов уже не хватает.

– Не давался лечить, паскуда, – сказал надсмотрщик с обидой в голосе и замахнулся на раба кнутом.

Тот поморгал белыми ресницами, поглядел тупо.

Верховный Жрец просмотрел диплом, сунулся в медицинские справки.

– Так это что же, братец, вши у него? – сказал он наконец.
– Ну, – с готовностью согласился надсмотрщик.
– Почему, в таком случае, в справке написано: «педикулезом не страдает»?
– Каким еще педикулезом?
– Вшами, – сквозь зубы, с отвращением пояснил Жрец.
– А... Так он страдает разве? – Надсмотрщик обернулся к белокрысому программисту. – Страдаешь, рыло?
Белокрысый угрюмо отмолчался.
– Не страдает он, – убежденно сказал маленький надсмотрщик.
– Липа справки-то, – встрял один из рабов, за что получил пинка.
Белокрысый вдруг испугался. Побелел – на такой-то жаре. Вцепился в рукав надсмотрщицовой тужурки.
– Вы что – ЕМУ меня продать хотите?
– Ты знай молчи, – прошипел надсмотрщик. – В богатое учреждение попадешь.
– В Оракул?
Аж губы затряслись.
Надсмотрщик изумленно оглядел белокрысого с ног до головы.
– Молчи лучше, – повторил он. – Счастье тебе привалило, Беда.
– Беда, – поправил программист.
Надсмотрщик махнул рукой.
– Один хрен, беда мне с тобой. Кому ты нужен, с твоими тройками да религиозными заморочками...
– Не продавайте меня в ихний бесовский кабак, – умоляюще сказал программист.
Надсмотрщик схватил его за волосы и сильно дернул.
– Я тебе башку оторву, – зашептал он. – Молчи, Беда. Сгниешь ведь в рабских бараках.
– Лучше уж в бараках сгнить, чем служить Оракулу.
– Тебя не спрашивают. Раньше думать надо было, когда на тройки учился.
Верховный Жрец вытащил кошелек, раскрыл его под жадными взглядами рабов и надсмотрщика, отсчитал пятьдесят сиклей. Хрустящими новенькими ассигнациями с изображением башни Этеменанки.
Купчую писали в той же караулке, под угрюмым взглядом белокрысого программиста. Солдаты привычно подмахнули в графе «подпись свидетелей», шлепнули круглую печать, помахали ею в воздухе, гоняя смрад, – чтобы высохли чернила. И вручили Жрецу.
После барачков тебе хоть что раем покажется.
Шли, спотыкаясь, среди столпотворения вавилонской толпы: впереди Верховный Жрец Оракула, за ним белокрысый раб. И на душе у обоих было тошно.

В самом центре необъятного Вавилона стоит большое здание постройки времен рококо. Когда-то, в незапамятные времена, этот дворец принадлежал вельможе могущественному и богатому. Сюда приходили знаменитые поэты. Поднимались, не спеша, по широкой мраморной лестнице, между голоногих мраморных нимф. В гостиных с золочеными завитками по белым стенам читали свои знаменитые стихи. Замирая и млея, слушали их красавицы с белыми плечами, отраженные в сверкающих зеркалах.

И еще есть библиотека со стеллажами мореного дуба и готическим камином, где знаменитые поэты ебли знаменитых красавиц. Об этом написаны обширные литературоведческие труды.

Теперь в этом дворце разместился Оракул. Ступени здесь широкие и низкие, как в Кносском дворце. Пиф привычно метет их подолом длинного одеяния. И множество отражений Пиф двигаются в зеркалах справа и слева.

Только парадная лестница еще и сохранилась с тех давних времен, когда здесь гремело бесстыдное рококо. А праздничные, как коробки с новогодними игрушками, залы – те изуродованы фанерными перегородками, разделены на длинные, как пеналы, «офисы»: одна стенка и кусок потолка сверкает лепной позолотой, а с трех остальных, фанерных, уныло скалятся голыми задницами красотики из порнографических журналов.

По узким переходам между стенками снуют клерки, менеджеры, представители заказчиков. А то и сами заказчики – кто помельче – робея, бродят между хлипких стенок в поисках младшего жреца.

Иногда пройдет, пыля облачением, жрица. Перед пифиями, даже младшими, все почтительно расступались. Известны странноватым норовом – так полагалось.

Ох и взбесилась же Пиф, когда налетела, выскочив из-за поворота, на какого-то ротозея из низшей касты. Разглядев же его хорошенько, даже ахнула от гнева. Бритый наголо служащий из касты программистов. На локте (рубаху засучил – дрова колоть собрался, что ли?) восьмизначный номер: раб, из университета (812 – университетский шифр). Морда незнакомая, противная, белесая.

– Твою мать, – прошипела Пиф.

Злющая-презлющая.

– Извините, – сказал программист. Он растерялся.

Пиф покраснела, резко повернулась, взметнув подол, пошла прочь. Спина прямая, как будто аршин проглотила.

(«Не сутулься! – орала на нее Верховная Жрица, муштруя новенькую. – Не на панель пришла. Что ты себе под ноги шаришь? В небо устремляйся, в небо!..»)

И стоило вспомнить об этом, как заныл позвоночник – старая пифия треснула между лопаток посохом, чтобы лучше запомнились заветы старших.

Пиф шваркнула за собой дверь.

На ее рабочем столе, возле выключенного компьютера, уже лежали распечатки.

– Привет, – из полутемного угла сказала Аксиция.

– Прости, я тебя не заметила. – Пиф отодвинула кресло на колесиках, плюхнулась в него, развернулась в сторону Аксиции, спиной к своему столу.

Младшая жрица Оракула, Аксиция поступила на службу несколькими месяцами раньше, чем Пиф, и вместе с ней проходила подготовку у наставника Белзы. Тоненькая, как веточка, Аксиция казалась неуместно юной в суровом облачении жрицы. Пиф трудно было представить себе ее в наркотическом экстазе, исторгающей пророчества.

– Уже уходишь? – с сожалением спросила Пиф.

– Могу задержаться, – великодушно согласилась Аксиция. – Выпью с тобой чаю.

– Много было работы? – спросила Пиф, наблюдая, как девушка вынимает из ящика чашки, ищет заварку.

– Три заказа отклонила, – сказала Аксиция, заливая воду в кофеварку. – Ой, у нас все чашки немые...

И потянулась к звонку – вызвать жреческую прислугу. При мысли о тетке Кандиде Пиф поморщилась: Оракул поскупился, по дешевке купил для младшего персонала невообразимо неопрятную старуху с бородавками на руках.

– Лучше уж я из немойтой, – поспешно сказала она.

Аксиция фыркнула:

– Как хочешь.

– Что за заказы?

– Надоели эти банки, ни стыда ни совести. Сказано, что стратегическая информация не является объектом пророчествования Оракула... Шли бы к христианам, те, кажется, дают пророчества на что угодно...

– Допророчествуются, что их запретят, – лениво сказала Пиф. – Вода кипит.
– Вижу.

Аксиция выключила кофеварку. И продолжала рассказывать:

– Можно подумать, не знают, что валютные курсы не входят в компетенцию Оракула. На это есть финансовое управление... Нет, все равно лезут... Один аж ночью приперся, шоколадку сунул...

Пиф оживилась:

– Шоколадку?

Аксиция засмеялась, зашуршала оберткой.

Они выпили чаю, поболтали немного, и Аксиция ушла домой – отсыпаться после дежурства. Пиф грустно поглядела ей вслед. Встала, заварила себе чаю покрепче. Принялась за распечатки.

Два заказа. На одном пометка Верховного Жреца: «Обратить особое внимание». Видать, Оракул хорошие деньги за это взял.

Основными клиентами Оракула были крупные компании, финансовые и промышленные. Те платили за предсказания очень хорошие деньги. Собственно, на эти средства Оракул и существовал. Говорили, будто и вельможный особняк в стиле рококо купил, удачно предсказав одному банку неслыханное вознесение. Это было еще до введения государственной монополии на некоторые виды информации.

Конечно, обращались сюда и частные лица. Женщинам скидка; если вопрос касается ребенка – двойная скидка. Но к этим клиентам Оракул был не так внимателен, хотя ошибок и здесь почти не случалось: слишком просты вопросы, касающиеся личной жизни, слишком механистически действуют и реагируют люди, больно уж предсказуемы они. Многим довольно было бы обратиться к заурядной карточной гадалке. Но люди хотят, чтоб уж наверняка.

Пиф взяла «первостепенный заказ», и у нее сразу свело скулы. Интересует курс акций АО НЕФТЕНАЛИВНОЙ ПОРТ «ГРУДИ ИНАННЫ». Не любила Пиф эти заказы с акциями. На жертвеннике очень уставала от них. Эмоции грязные, тяжелые – страх, алчность, жестокость. Реалии мрачноватые: аварии, катастрофы, искаженные болью лица и тут же сытые физиономии. И ошибаться нельзя. Ни в коем случае. Потому что именно на этих заказах Оракул и делал свои баснословные прибыли.

Второй заказец был дешевый, простенький. Семейный.

Распечатки содержали первичную информацию по обоим вопросам.

Начнем с легкого, подумала Пиф.

АДИЯ-АН-ДАБИБИ, 43 ГОДА, ВЫСШЕЕ, 16 ЛЕТ... (а, это она в браке 16 лет состоит, старая гримза)... ДВОЕ, 15 И 10, СТАРШИЙ БУХГАЛТЕР ФИРМЫ «ЗВЕЗДА ЭСАГИЛЫ», 95 СИКЛЕЙ... ого...

Запрос о детях. ДОЧЕРИ, МИЗАТУМ 15 ЛЕТ, КИБИТУМ 10 ЛЕТ...

МИЗАТУМ-ИШ-ДАБИБИ, 15 ЛЕТ, БУХГАЛТЕРСКИЕ КУРСЫ ПРИ ЧАСТНОМ КОЛЛЕДЖЕ ВЫСШЕЙ БАНКОВСКОЙ ШКОЛЫ, НЕ ЗАМУЖЕМ (ну, это и так ясно). РЕЗУС-ФАКТОР ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, ФЛЮОРОГРАФИЯ: БЕЗ ПАТОЛОГИЙ...

Не база данных, а мусоросборщик.

КИБИТУМ-ИШ-ДАБИБИ, 10 ЛЕТ, ШКОЛА «ПОЛНОЛУНИЕ СИНА» (ЦЕНТР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ДУХОВНОГО ОБЛИКА УЧАЩИХСЯ В ДУХЕ БОГОПОЧИТАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА НА СОЦИАЛЬНЫЙ УСПЕХ). Ага, а школа-то не простая. И частный колледж Мизатум, надо думать, тоже влетает этой Адии в копеечку... БЕЗ ПАТОЛОГИЙ... НЕ ЗАМУЖЕМ... (Кретины, в десять-то лет...)

Ладно. Поглядим, что подельывает наш муженек...

ДАБИБИ-ИШ-БАЛАТУ, 47 ЛЕТ, ВЫСШЕЕ, 16 ЛЕТ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ФИРМЫ «ЗВЕЗДА ЭСАГИЛЫ», 750 ДИНАРИЕВ...

«ЗВЕЗДА ЭСАГИЛЫ»: НЕДВИЖИМОСТЬ: ТОРГОВЛЯ.

Пиф зевнула. Тоска, как в телесериале. Осталось только узнать имя секретарши генерального директора...

С таким раскладом мадам Адия могла обратиться к уличной гадалке. Из тех, что трутся на синей станции «Площадь Наву». Могла бы и не тратить деньги на Оракул. Лучше бы купила по мороженому Мизатум и Кибитум, порадовала бы девчонок напоследок, потому что, похоже, отец скоро уйдет из семьи. С ба-альшим скандалом.

Пиф вздохнула. Усмехнулась. Еще раз перечитала распечатку. Сделала еще один запрос. О Гузану-ан-Риманни (23 ГОДА, СЕКРЕТАРЬ-РЕФЕРЕНТ, СРЕДНЕЕ, ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА КОНКУРСА КРАСОТЫ В СОПРЕДЕЛЬНОМ АШШУРЕ...)

Отложила в сторону. Конопля на них жалко, клянусь Великой Матерью.

Заварила еще чаю. Ночь долгая. Перед ночью еще целый день, и ей нужна ясная голова. («Запомни: днем у тебя должна быть ясная голова, а ночью мутная».)

Телефон.

– Оракул, дежурная жрица.

Вкрадчивый мужской голос. Не голос, а пан-бархат.

– Девушка...

Пиф вспомнился утренний разговор с Аксицией.

– Меня уведомляли о вашем ходатайстве, – скучно проговорила она. Как по сукну ногтями процарапала. – К сожалению, полезные ископаемые, особенно стратегическое сырье, нефть и газ, их разведка, разработка и эксплуатация месторождений, равно как и прогноз на урожайность злаковых являются информацией, находящейся в монополии государства и не подлежащей разглашению фирмам, предприятиям, как коммерческим, так и производственным, политическим партиям, общественным организациям, включая профсоюзы, а также физическим лицам, согласно пункта восемь Устава о Действующем Оракуле.

– С-сука, – успел прошипеть голос, прежде чем Пиф брякнула трубку.

Вторая распечатка в три раза больше первой. И запросов придется сделать не меньше двух десятков. Пиф удобнее уселась перед компьютером, набрала пароль, вышла в базу данных организаций.

АО НЕФТЕНАЛИВНОЙ ПОРТ «ГРУДИ ИНАННЫ», СУЩЕСТВУЕТ 6 ЛЕТ, 10 ПРОЦЕНТОВ ГОДОВЫХ, АКЦИОНЕРЫ: БАНК «МАРДУК-НЕФТЬ» (10 ПРОЦЕНТОВ), КОРПОРАЦИЯ «МОЛОХ И СЕЛЕНА»...

«МОЛОХ И СЕЛЕНА»: НЕДВИЖИМОСТЬ: СТРОИТЕЛЬСТВО, ВСЕ ОПЕРАЦИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ, ШЕСТЬ ЛЕТ, УСТАВНОЙ ФОНД 8 МИЛЛИОНОВ СИКЛЕЙ (В СЕРЕБРЯНЫХ СЛИТКАХ) Ясно, что в слитках: ассигнации для безналичных расчетов не подходят... А, вот: СТРОИТЕЛЬСТВО АНГАРОВ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЖИДКОГО ТОПЛИВА...

Теперь глянем, что у нас в регионах, богатых нефтью.

ФАРСИЯ: КРУПНЕЙШИЙ... НЕФТИ... без вас знаю... ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ... Спасибо... Ага, вот последние данные...

Пиф посмотрела дату ввода: позавчера. Нахмурилась. Как можно делать прогноз, имея такую тухлую информацию? За вчерашний день в этой сраной Фарсии могло произойти тридцать три военных переворота. О чем и сообщила в отдел информации. (От гнева не вдруг дозвонилась – не сразу пальцами попадала в кнопки телефона.)

– На обед вы тоже тухлятину едите? – спросила она под конец. – И чья это обязанность – следить за актуальностью базы? Для чего вас тут держат?

Как в воздух спросила. На том конце провода каменно молчали.

Пиф швырнула телефон. Ее колотило от злости.

Ладно, успокойся, сказала она себе. В священное неистовство будешь впадать вечером, перед жертвенником.

Все еще сердясь, сделала запрос по службам транспортировки нефти. Два разорились, три процветают, остальные мелкота. Имеют ли эти три акции нефтеналивного... Ого, еще как имеют...

Постепенно работа увлекла Пиф. Она словно распутывала длинную нить, постепенно сматывая ее в клубок.

«Вы думаете, жрица должна много знать? Быть в курсе всего и вся? Это компьютер в курсе, отдел информации – в курсе. А жрица не должна ничего знать, – говорил Белза, наставник пифий в Оракуле. – Рассудок пифии должен быть пуст. Если угодно, любая хорошая жрица безумна. Знание – я имею в виду, конечно, не Орфическое Знание – ИНФОРМАЦИЯ должна ПРИСУТСТВОВАТЬ в жрице в растворенном виде. Она должна пропитывать вас, как вода промокашку. Существовать вне рассудка. В ТЕЛЕ, не в мозге».

Белза запрещал делать записи. Только наизусть. Он требовал, чтобы девушки воспроизводили прочитанное с первого раза. И добро бы тексты, а то какие-то бесконечные столбцы цифр, курсы акций, динамику роста цен в какой-нибудь Пятиречье.

У самого память была чудовищная, он никогда не ошибался. Пиф поначалу часто сбивалась. Она боялась Белзу до судорог. Никогда никто не вызывал у нее такого животного ужаса.

Он был рослый, лысый, сухощавый, с очень светлыми зеленоватыми глазами. За ошибки он бил по пальцам толстой указкой. И чем больше бил, тем чаще ошибалась Пиф. Ненависть к наставнику зрела в ней, как тропический плод. В первое же занятие ловким ударом он разбил камень в ее кольцо, расцарапал ей руку.

Пиф посмотрела на белую точку на безымянном пальце левой руки. Вот эта отметина. Теперь вместо кольца.

В начале лета у Оракула возникли какие-то крупные неприятности с налогами, и Белзу в качестве консультанта продали банку «КРЕДИТ ВААЛА». Говорят, вырученной суммы хватило покрыть все недостатки. До Пиф и таких, как она, достоверная информация обо все происходящем в Оракуле не доходит. Приходится довольствоваться слухами.

Неожиданно экран пересекла наглая красная надпись: «ПРОСТИТЕ, ОШИБКА СИСТЕМЫ».

– Сволочь, – вымолвила Пиф.

И позвонила программистам. Осведомилась: они там что, слона на сервер уронили?

– А что случилось? – лениво спросили.

– У меня выкидыш.

– А у нас новенький, – сообщили программисты. – Мы вводим его в курс дела.

– Да? Тогда пусть вынет член из дисководов, – сказала Пиф, вешая трубку.

Через несколько минут на пороге показался давешний бритоголовый невежа с университетским шифром на руке.

– Это тебя, что ли, недавно купили? – спросила Пиф. – Оракулу, видать, некуда деньги девать. – Пиф отъехала в своем кресле от компьютера. – Погляди, что там случилось.

Бритоголовый наклонился над клавиатурой.

– Из какой операции вас выкинуло?

– Делала стандартный запрос.

Он бегло оглядел комнату в поисках стула. Придвинул кресло Аксиции, сел.

С полчаса Пиф то наблюдала за ним, то заглядывала в свою распечатку.

...ДИРЕКТОР БАНКА «МАРДУК-НЕФТЬ»... а он, оказывается, выдал дочь замуж за фарсийца... Так, а тот, через дядю-министра, связан с «АНДАРРАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ВЫШКОЙ»... Это уже интересно...

Новенький увлекся работой. Похоже, забыл, где находится. Даже вздрогнул, когда Пиф спросила:

– Ну?..

Поглядел на нее мутно, словно не понимая, что от него хотят. Потом спохватился.

– Попробуйте.

Пиф попробовала.

– Работает.

И выключила компьютер.

Бритоголовый встал, откатил кресло Аксиции на прежнее место.

– Я могу идти?

– Да, – сказала Пиф.

Он ушел.

Она растянулась на полу, на мягком ковре, усталилась в потолок, расслабилась. И почти физически ощутила, как информация уходит из рассудка, перетекает в тело, заполняет каждую клетку.

И неожиданно расхохоталась. Во все горло. Пифия должна быть бесноватой, подумала она. Положено. По-ло-же-но!..

Бухнула дверь. Новый программист Оракула, лежавший на нарах лбом в скрещенные руки, поднял голову. Поглядел мутно.

В проеме маячила фундаментальная фигура. В одной руке швабра, в другой ведро. Как скипетр и держава. Из ведра явственно несло хлоркой.

Фигура потопталась на пороге, высматривая в темноте – нет ли кого в комнате. Так и не высмотрев, спросила на всякий случай:

– Я приберу или как?

– Прибери, – отозвался с тощей подушки новенький. Неловко стало ему лежать, когда другой кто-то рядом работает. Сел, свесил босые ноги. С удовольствием ощутил на себе новые подштанники – выдали в Оракуле. Волосы сбрили, обработку от вшей провели, старую одежду, провонявшую каким-то особенным кисловатым рабским запахом, сожгли.

Общежитие для программистов – два нижних этажа флигеля, где в прошлые века вельможи держали конюхов и кухарок, – сильно отличается от рабских барачков в трущобах Вавилона. Только и сходства, что нары в два яруса. Да и народ подобрался куда как посытее, чем непроданные рабы, подбрее.

И еще были книги. Вот уж этого добра – читай не хочу. Порти глаза – на здоровье.

Бэда, человек ленивый, не считал это, впрочем, за большое преимущество. И пока его товарищи жгли казенное электричество в читалках Оракула, он отсыпался.

И отъедался. Ему постоянно казалось, что в следующий раз еды не дадут. Потому и набивал брюхо под завязку, пока дурно не становилось. Хлеба-то можно было брать, сколько влезет. В Бэду лезло много.

– Не наталкивайся ты хлебом, брюхо вздует, – урезонивал его старший программист Беренгарий.

Бэда со старшим, конечно, соглашался, но обжирался все равно. И в обед. И в ужин тоже.

Вообще же программистам в Оракуле не житье, а малина, разливался тот же Беренгарий. (Глянулся ему Бэда, даром что вид имел туповатый.) С шести вечера, если ты только не на дежурстве – а первое дежурство у новенького еще не скоро – можешь делать что угодно.

Хоть умные книжки читай, хоть пьянствуй, хоть по девкам шлейся. Без денег, понятное дело, много не нашляешься. Ну да подожди немного, появятся у тебя и деньги.

Тут Бэда заинтересовался было. Даже жевать перестал. Своих денег у него отродясь не было – сам стоил немногого.

Беренгарий охотно пояснил: левые халтурки, то, се. Учись пока. А заказчики придут. Как мухи налетят. Иной раз и бабы подбросят, ко всему подход нужен. Только вот торопиться, Беда, не надо. И соваться куда не след, тоже не стоит.

– А куда не след? – спросил Бэда.

Беренгарий показал на электрическую розетку.

– Вот сюда, к примеру, пальцы не суй.

– Ясно, – сказал Бэда.

Как и большинство программистов Оракула, Беренгарий был рабом. И, судя по шифру на руке, учился тоже не лучшим образом. А вот, гляди-ка, продвинулся, до старшего дослужился.

Рослый, худой, светловолосый, глаза тонут за толстыми стеклами очков, мелкие черты лица все время в движении. Хитрющий Беренгарий. Куда до него Бэде...

Обо всем этом неспешно раздумывал Бэда, лежа в одиночестве на нарах. Он знал, что ему-то всяко до старшего не дотянуть. Даже до среднего – вряд ли. Болтаться ему среди младших до глубокой старости, если только раньше не продадут за профнепригодностью в какую-нибудь жилконтору – обслуживать машины для расчета квартплаты.

Уборщица возила шваброй по полу, гоня густой дух общественной уборной. Дважды задела Бэду мокрой тряпкой. Он подобрал ноги, уселся поудобнее.

– Тебя как звать-то? – спросила вдруг уборщица, шумно переводя дух.

Бэда назвался. Уборщица выпрямилась, прищурилась, оглядывая его.

– Обрили-то тебя почему? Провинился перед ими, что ль?

– Да нет, вши у меня были, тетка, – честно сказал Бэда. – В бараке подцепил, покуда меня продавали... Там это быстро.

– А, – сказала уборщица. И недовольством от нее потянуло. – То-то старшой меня сюда направил. А я и думала: чего у вас тут мыть, вчера намыто уж... Из-за тебя, значит... У нас строго, так-то вот.

И снова наклонилась, налегла на швабру. Бэда равнодушно смотрел, как она работает. Потом зевнул.

– А тебя, тетка, как звать?

– Кандида, – пропыхла уборщица.

– Хорошо тут, в Оракуле, тетка Кандида?

Она снова остановилась, оперлась о швабру.

– Как сказать... Сытно тут, конечно, спору нет. Муторно – оно тоже. Да где не муторно?

– И то, – согласился Бэда.

– Но ты гляди, не озоруй, – с неожиданной строгостью сказала Кандида. – Я-то уборщица и годы мои уже старые. Ты другое дело. Программист, шутка ли сказать, высшее образование... Сумей только угодить...

И с откровенным сомнением оглядела неказистую фигуру Бэды.

– Да нет, – сказал Бэда, как бы желая подтвердить справедливость ее сомнений, – куда мне...

Тетка Кандида оставила швабру посреди комнаты, под села рядом с ним на нары. От нее крепко несло потом и хлоркой.

– Как же тебя, такого-то, взяли в Оракул?

– Не знаю... – И попросил неожиданно: – Принеси мне на ночь еще чего-нибудь поесть, а, тетка Кандида?..

– Наголодался, – вздохнула Кандида. Колыхнула могучей грудью, встала. Тяжко ступая, вышла, прихватив с собой ведро и швабру.

Беда растянулся на одеяле, заложил руки за голову, уставился в потолок. Невнятно проползла мысль о том, что через каких-нибудь девять часов позовут завтракать. Поскреб бритую голову, откуда доктор вывел докучливых насекомых. Повернулся набок, примял подушку.

Когда Кандида вернулась – большой калач в платок завернут – новенький уже крепко спал.

Кандида постояла в нерешительности, не зная, будить ли, и все глядела на лицо спящего – почти детское, со страдальчески сдвинутыми во сне белесыми бровями. И так, умиляясь, потихоньку и сжевала весь калачик.

Время от времени Оракул проводил презентации и другие не менее пышные мероприятия. Каждое – событие в светской и деловой жизни Вавилона.

Банкиры, нефтяные магнаты, денежные воротилы, представители прессы, владельцы промышленных предприятий, два-три скандалиста из числа профсоюзных деятелей – таков был обычный состав приглашенных. Оракул обычно был представлен внушительными персонами из круга высших посвящений – Верховный Жрец, несколько программистов старшего и среднего состава.

И, конечно же, пифии.

Эти строгих женщин в белых одеяниях остерегались. Рассаживаясь, старались найти место подальше от них. Напрягались, если пифия обращалась с вопросом, отвечали подчеркнуто вежливо. Шутка сказать: пифии! Эти дивные женщины и девы напрямую общаются с богами Орфея! Им дано присутствовать в кузнице богов, где куется будущее. Дыхание грядущего овеивает подола их одежд. Неземное осеняет их своими крылами. И так далее...

Нет уж. К чему только ни были привычны жители Великого Города, избалованные столицей, в чем-чем могли сомневаться – но только не в богоизбранности пифий. Никто и думать не смел, чтобы посягнуть на их святость и богоизбранность, даже в самых тайных своих мыслях.

Ни мистики, приверженцы богов Орфея, – к этой религии, собственно, и относился сам Оракул.

Ни огнепоклонники, на чьих гигантских каменных жертвенниках, не умолкая, ревело пламя, – те принадлежали преимущественно к торговому сословию и ворочали большими делами в нефтеразработках и нефтеторговле. (Среди клиентов Оракула добрая половина относилась к числу огнепоклонников.)

Признавались пифии и официальным вавилонским культом Бэл-Мардука.

Никто не смел усомниться в них.

Никто.

Ну... может быть, христиане. Но те вообще всех сторонились. В Вавилоне их было немного. Любовью сограждан они не пользовались. А что их любить-то? Суший сброд. Рабы, нищие, представители низших сословий. У них был, вроде бы, убогий храм где-то на городской окраине, возле кладбища для преступников. Эти христиане представлялись Пиф сборищем шушукующихся фанатиков. Впрочем, она никогда еще с ними не сталкивалась.

Посещение официальных торжеств Оракула также входило в обязанности младшей жрицы, но, в отличие от суточных дежурств, не было таким утомительным.

На такой презентации Пиф обожала выискать какого-нибудь банкира из боязливых и начать осаждать его светской беседой. Тот откровенно пугался, потел, озирался по сторонам, точно кошелек украл. Отвязывалась только после того, как официальная часть заканчивалась

и всех любезно приглашали к столу а-ля фуршет. А бутербродики со стола а-ля фуршет Пиф любила куда больше, чем пугливых банкиров.

Западное крыло вельможного особняка, где засел этот сумасшедший курятник – Оракул – было специально оставлено нетронутым. Здесь Оракул блистал во всей своей помпезной роскоши. Не было и следа наглого вторжения варваров с их фанерными перегородками и бумажными шляхами из журналов. Белые стены здесь, как и положено, сверкали позолотой, канделябры здесь горели, как люстры в Большом Театре, под ноги услужливо стелились пушистые ковры... ну, может быть, в середине немного вытерты... И голоногих нимф и гологрудых амазонок из самого настоящего мрамора здесь было значительно больше, чем на парадной лестнице.

В большом зале с полом из наборного паркета заранее сервированы столы. В углу монументом маячит Кандида: длинное красное платье, лицо и руки отмыты дочиста, волосы убраны под белое покрывало. «И чтоб на тебя никто внимания не обращал, – строго упредил ее Верховный Жрец. – Не то продам. От тебя давно толку нет, только грязь размазываешь да сплетни носишь». Кандида кланялась, сложив руки на поясе, бормотала приниженно, кланялась: ни одна живая душа не заметит, буду стоять, как мебель.

И стояла.

А мимо шли и шли.

Приглашенные. Служители Оракула.

И косили глазом не на Кандиду вовсе. На пять роскошных столешниц, где выставлены были в огромных блюдах микроскопические бутерброды, где искрилось шампанское и белое хорасанское вино в узких бутылках, обвитых цветным шнуром, где светились нежно и призывно дивной роскошью янтаря, халцедона, опала, лунного камня, родонита... у, не перечислить! – словом, виноград и персики, яблоки и груши, вишни и сливы...

Вот на что косились.

Особенно откровенно глядела Пиф. Она была голодной – после целого дня, проведенного в читальном зале библиотеки Оракула над многостраничными трудами по экономике Вавилона. Через неделю переаттестация, сказал Верховный. Если успешно сдаст, – повысит жалованье. Прилежная Аксиция своим ровным аккуратным почерком выписала шесть или семь названий. Теперь они с Пиф читают. Не было дня, чтобы не вспоминался добрым словом наставник Белза. Информация, даром что наполовину состоит из цифр, так и ложится в память...

...Ложится, вытесняя все другое, даже воспоминания детства, неожиданно подумалось Пиф.

– ...Принципиально новая методика прогнозирования, позволяющая поднять точность предсказаний еще на одну сотую – а это, господа, очень и очень немало, если учесть, что Оракул в принципе не допускает ошибок, о чем вам, разумеется, уже хорошо известно и известно не понаслышке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.